

ТЕРРОРИЗМ

Русские нигилистки

Ирина Юкина

«В самом конце 50-х и в начале 60-х годов, в эпоху, ознаменованную великими реформами, <...> явились люди, возникли мнения и взгляды на вещи прежде небывалые, неслыханные. Эти новые люди все существующее безусловно отрицали, никакими преобразованиями не удовлетворяясь, и, кроме абсолютного разрушения общественного порядка, никакого иного идеала не представляли», — писал современник о феномене нигилизма и нигилистах [2, с. 73].

Именно «Тургенев создал слово “нигилист”... Получить в 60-х гг. прозвание “нигилиста”, “нигилистки” было почетно ...» [6, с. 292].

Итак, критические умонастроения в русском обществе конца 1850–1860-х гг., категорически отрицавшее господствующую идеологию, мораль, нормы поведения, получили название «нигилизм» (от латинского «*nihil*» — ничто, этимологически восходящее к понятию «*nihilum*», что означает «ни единой малости», «ни волоска»). Идеология нигилизма возводила отрицание в собственно цель и вербовала своих сторонников по принципу неприятия существующей действительности. Нигилисты отвергали идеалистическую философию, религию, деспотизм во всех его проявлениях, требовали свободу личности, равноправия женщины, проповедовали «разумный эгоизм», утилитаризм, придавали большое значение естественным наукам и опытному знанию. Нигилисты считали, что мораль старого общества препятствует развитию личности, поэтому цель была определена как «расчистка места» и создание нового человека. Принцип

«разумного эгоизма» определялся средством преодоления самоограничения личности.

Эта идеология бытовала в русском обществе прошлого века среди молодежи, бурно и эмоционально протестовавшей против порядка «отцов» и сплотившейся под знаменем протеста. Основное население страны с ужасом наблюдало подобные явления.

Главной характеристикой нигилизма с гендерной точки зрения было то, что это было *первое* общественно-политическое движение, востребовавшее женщин и призывавшее их в свои ряды [3, с. 55]. Работа с женской молодежью рассматривалась в нигилизме как важнейший момент в осуществлении поставленных задач по переустройству общества. С другой стороны, необходимо признать, что реакция общества на женщин-нигилисток была однозначно отрицательной, а их судьбы за редким исключением оказались трагически изломанными. История сохранила имена некоторых из них: княжна Е. А. Макулова — известная петербургская нигилистка, княгиня-нигилистка З. С. Оболенская, А. А. Комарова, Е. Ценина-Жуковская...

Не все, кого называли нигилистами, стояли на позиции тотального отрицания. Как и всякое значительное социальное явление, нигилизм не был однороден. Для одних он был высокой миссией высвобождения сознания от иллюзий, формированием трезвого взгляда на мир, утверждением новых идеалов, для других — отрицанием как таковым.

Современники мучительно пытались определить суть и границы этого явления. «Нигилизм у всех на языке, все о нем толкуют, как о предмете, известном и определенном, хотя никому не приходит в голову объяснить смысл этого слова и характер тех явлений, которые хотят им обозначить», — писал М. А. Антонович на страницах «Современника» в 1863 г. [1, с. 95]. «Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в ее частной, интимной жизни», — вспоминал С. Степняк-Кравчинский [4, с. 1–2].

О женщинах-нигилистках мы можем составить представление по мемуарной и художественной литературе. Образ их очерчен и в той и в другой литературе карикатурно: стриженные волосы, круглые синие очки, по другим источникам «очки-консервы», бесформенная небрежная одежда, зачастую мужского кроя, папирosa в руках, заученные, неестественные речи. Основной характеристикой нигилисток, судя по литературе того времени, являлась безнравственность, проявляющаяся:

1. Во внебрачной сексуальной жизни (гражданские браки).
2. В посещении, в силу неизвестных, но однозначно низменных побуждений, лекций по естественным наукам и в чтении соответствующей литературы.

3. В критике своих родителей, разрыве с семьей (т. е. демонстрация сомнений в святости родительской власти, пренебрежение традиционными женскими ролями).
4. В подражании мужской манере поведения, в ношении одежды с элементами мужского костюма.

Понятие «нигилизм» напрямую связывалось современниками с понятиями «аморализм» и «атеизм» [2]. Женский нигилизм, как и мужской, проявлялся в антиповедении, в эпатаже общества. Но, возможно, нигилистки в большей степени акцентировали внимание на своей внешности, выражая через антиженственный, антиэстетический вид свой радикализм, свою версию жизни. Их внешний вид, манера поведения выражали их протест против отсутствия выбора в собственной судьбе, против заданной им обществом жизненной программы, науки «нравиться» как обязательной составляющей женского воспитания, демонстрировали свою невовлеченность в традиционную женскую жизнь, отчужденность от нее. Выбранная ими жизненная стратегия требовала другого поведения, другого внешнего облика. Это была отчаянная попытка без шансов на успех, так как одновременное участие в двух разных жизненных стратегиях вело к дезинтеграции личности. Женский нигилизм — это попытка достичь равенства с мужчиной, отказавшись от себя — женщины. Попытка отторгнуть свой пол, преодолеть его символику.

Поэтому нигилистки заимствовали предметы мужского гардероба (красная косоворотка из-под плисовой поддевки, мужская шляпа), нарушая тем самым восприятие себя как женщины, как эстетического и сексуального объекта, как носителя определенных социальных функций.

Помимо выражения своих убеждений через внешний вид, это была также и демонстрация пренебрежения общественным мнением. Дочери обедневших дворян, чиновников, мещан одевались подобным образом, и мысли о женской хрупкости, покорности, инфантилизме, несостоятельности отступали. Идеал женской красоты: тонкая талия, субтильность, нежные руки, бледный цвет лица, отражавший предпочтительные социальные женские роли — девушки на выданье (невесты), светской дамы (жены, матери семейства), подвергался пересмотру.

Такие составляющие женского костюма XIX в., как кринолин, корсет, которые препятствовали любой деятельности, а также длинные волосы, требующие соответствующего ухода — безжалостно искоренялись. Новое самосознание, самоощущение женщины, претензия на новые социальные роли в общественной жизни кодировались через новый образ.

Можно сказать, женский нигилизм в российской культуре прошлого века подорвал жесткую концепцию «нормальности», «приличности» женского облика. Был подорван диктат нормы и установлены новые предпочтения.

Феномен и деятельность нигилисток перепугали насмерть российскую интеллигенцию, вызвали к жизни особую «антинигилистическую» литературу. Романы Н. С. Лескова «Некуда» (1864), «На ножах» (1870–1871), В. П. Ключникова «Марево» (1869), Вс. В. Крестовского «Панургово стадо» (1869) и др. обличали нигилизм, новую идеологию, ее носителей. В особенно невыгодном свете были решены образы женщин, ищущих свой путь в жизни. Одновременно в этих романах предпринималась попытка идеализации традиционного женского образа. Но она проходила с трудом. Положительные героини выходили весьма условными и схематичными на фоне с блеском описанных барышень и барынь, впадающих в грех общественной активности...

Активистки женского движения следующих поколений, осмысляя этапы пути к свободной женской личности и их парадоксы, рассматривали явление женского нигилизма как крайность эмансипационного движения, которое быстро прошло [5, с. 305]. Преемницы нигилисток в деле эмансипации женщин, так называемые «новые» женщины, «шестидесятницы», сделали акцент на другом — не на эпатажном персональном поведении, а на самообразовании, на выработке привычки к самостоятельному мышлению, на осмыслении проблем своего пола, их артикуляции и, главное, предъявлении их обществу. В их лице правительство встретило убежденных и стойких общественных деятельниц, ставивших сугубо практические общественные задачи по преобразованию существующей действительности.

Литература

1. Антонович М. А. Раздел «Обозрение» // Современник. 1863, январь–февраль, с. 95.
2. Де-Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник, 1881, № 11, с. 73–123.
3. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.
4. Степняк С. Подпольная Россия. Выпуск 6-ой. Изд. Фонда Русской Вольной прессы. Лондон, 1893, с. 1–2.
5. Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.
6. Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки (1854–1886). М., Л., 1934.